

ЖИВАЯ СТАРИНА

ВОЙНА В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

ЭКСПЕДИЦИИ

- Традиции православных и мусульман на пограничье Сербии, Черногории и Боснии
- Экспедиция на русско-белорусское пограничье

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

- Легенды Галичского озера
- Почитаемые источники в Ветковском районе Гомельской области

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

- Письма с фронта Никиты Ильича Толстого. Публикация *С. М. Толстой* 2
В. Н. Седых. «Нам песня помогала выжить и победить» (из семейного архива) 3
Н. Ю. Данченкова. Память о войне в причитаниях *М. А. Королёвой*
 (с. Татарово Владимирской области) 8
 Стихотворная мемуаристика *Н. А. Ветровой*. Публикация, вступительная
 статья и примечания *М. В. Строганова* 11
 Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области.
 Публикация *М. Н. Толстой* 13

МИФОЛОГИЯ МЕСТА В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

- Д. В. Громов*. Легенды Галичского озера 17
М. В. Ахметова. Предание о Сониной роще (г. Бологое Тверской области) 21
Г. И. Лопатин. Почитаемые источники в Ветковском районе
 Гомельской области 24
И. Ю. Васильев. Памятники Краснодара в оценках горожан
 и современная обрядность 27
К. Э. Шумов. Пространство в представлениях цирковых и спортсменов 31

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

- А. Г. Авдеев*. Надписи в русских былинах: камни на распутьях дорог
 (заметки эпиграфиста) 35
Д. А. Радченко. Рукописные «небесные письма» в России XIX в.:
 «письмо из Лангедока» 39
С. Н. Амосова. «Сказание о 12 пятницах» в рукописных тетрадках из Латгалии 41
 Апокрифические молитвы Карелии. Публикация *В. П. Ершова* 44
М. В. Калашникова. Когда песня перестает быть песней:
 жанровые трансформации в альбомах и песенниках 48

ВЫСТАВКА

- А. Б. Островский, А. В. Ратникова*. «Звонкая монета: монеты в традиционных
 культурах Евразии» 52

ЭКСПЕДИЦИИ

- А. А. Плотникова*. Традиции православных и мусульман на пограничье
 Сербии, Черногории и Боснии 55
В. А. Кухтина, Н. А. Савина. Экспедиция на русско-белорусское пограничье 58

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- В. Я. Петрухин*. «Запад» и «Восток» в сравнительной демонологии 63
Н. В. Бессонов. Цыганский архив *И. М. Андрониковой*: новый этап дискуссии 64
Н. В. Петров, Н. С. Петрова. Новое издание литовских сказок на русском языке 67
О. В. Трефилова. Авторефераты диссертаций по этнографии, фольклору,
 этнолингвистике, защищенных в 2014 г. 69

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- В. Е. Добровольская, Е. А. Дорохова*. Всероссийское совещание о мониторинге
 фольклорных традиций и мерах по сохранению фольклора 70

Издание осуществлено при финансовой
 поддержке Министерства культуры
 Российской Федерации

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
 Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, канд. филол. наук, доцент;
 Московский государственный универси-
 тет им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редак-
 тора), канд. филол. наук; Государствен-
 ный республиканский центр русского
 фольклора

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук;
 Институт славяноведения РАН

Н. Ю. Данченкова, канд. искусствове-
 дения; Государственный институт ис-
 кусствоведения

М. А. Енговатова, канд. искусствоведе-
 ния, профессор; Российская академия
 музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, про-
 фессор; Российский государственный
 гуманитарный университет

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
 профессор; Российский государствен-
 ный гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, про-
 фессор; Институт славяноведения РАН

И. А. Разумова, доктор ист. наук; Центр
 гуманитарных проблем Баренц-региона
 Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, доктор филол. наук, про-
 фессор; Институт славяноведения РАН

Александр Григорьевич Авдеев,

канд. ист. наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т,
Ун-т Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал» (Москва)

НАДПИСИ В РУССКИХ БЫЛИНАХ: КАМНИ НА РАСПУТЬЯХ ДОРОГ (заметки эпитафиста)

Один из аспектов культуры памяти — это сохранение представлений об эпитафике предшествующих эпох в народном эпосе. Традиционным объектом исследования здесь являются былины. Одним из кардинальных вопросов их изучения остается соотношение исторической реальности и эпического вымысла и вычленение позднейших наслоений (ср. [21. С. 69; 36. С. 5]). Сложность задачи состоит в том, что, с одной стороны, последние неизбежно переносились в киевское эпическое время, а с другой — зависели от исполнительского мира носителя эпоса [26. С. 181, 184]. В былинах обычно пытаются найти черты реального экономического, дружинного, семейного и религиозного быта [12] или же реальных исторических событий [25]. Последние реконструируются гипотетически: одни исследователи считают, что они совпадают с исходной исторической эпохой, другие — что они отдалены от нее более или менее значительной дистанцией, третьи полагают, что былины опережают реальные исторические события [26. С. 159–160]. Однако артефакты, упоминаемые в былинах, предметом исследований становятся не часто [2. С. 177–178; 6. С. 279–289; 11; 19. С. 327–342; 34. С. 129–149]. Р.С. Липец установила соответствие отдельных былинных надписей реальной эпитафической практике Киевской Руси [11. С. 68–70]. Статья же Н.В. Петрова, специально посвященная надписям в русских былинах, учитывает далеко не все их упоминания в произведениях русского эпоса, а также не учитывает специфику эпитафических памятников, смешивая с ними записи на «мягких» носителях и даже отметины на теле [20. С. 93–98].

Оставив в стороне дискуссионные вопросы о времени происхождения былинного эпоса и степени переработки в них исторической действительности, отмечу, что в былинах отражена определенная эпитафическая традиция, которую можно назвать былинной или эпической. Принадлежащие ей надписи являются составной частью эпического быта или эпического пейзажа. В былинах подробно описываются внешний вид носителей эпитафической информации, техника выполнения надписей и дается подробное изложение их содержания, поскольку оно играет важную (а часто и основную) роль в развитии сюжета.

Упоминаемые в былинах надписи объединяют понятия «предметный мир» и «предметные реалии». К предметному миру относятся бытовые предметы, элементы, организующие былинное пространство, к предметным реалиям — элементы предметного мира, которые влияют на развитие сюжета, характеристику персонажа и пр. (ср. [8. С. 21–22]). Говоря иначе, надпись, выполняя в развитии сюжета былины роль предметной реалии, обладает свойствами конкретного предмета, в качестве какового она и будет рассматриваться.

Можно согласиться с В.Г. Мирзоевым, что невозможно выделить текстурную первооснову былин, свободную от позднейших наслоений [13. С. 23]. Бытовой фон и предметный мир подвижны: сохраняя реалии прежних эпох, певцы вносят собственные,

В былинах описываются внешний вид носителей эпитафической информации, техника выполнения надписей и дается изложение их содержания

соответствующие их личному опыту и представлениям об эпическом быте [23. С. 123]. Как отмечал Б.Н. Путилов, фольклор не просто воспроизводит действительность: в процессе трансформации повседневной реальности он «привносит немало фантастического, нереального, обогащает образы и картины вымыслом. Фольклору меньше всего свойственна документальность и строгость в обращении с «источниками»» [24. С. 135]. Тем не менее выделить в эпическом произведении вещь, более или менее соответствующую реальному предмету, вполне возможно, не забывая при этом, что смысл и назначение былинных реалий забывались или же трансформировались применительно к новым условиям. Поэтому изучение былинных надписей состоит в обращении не только к эпитафической традиции Киевской Руси, но и, учитывая время распространения былинного эпоса, также к надписям Московской Руси, а нередко — и к эпитафическим памятникам имперского времени.

Таким образом, суть вопроса заключается не в том, чтобы идентифицировать памятники эпитафики как элемент, датирующий время возникновения былин. Это тем более нереально, что упоминаемые в них надписи явля-

ются устойчивым фольклорным элементом, а сами былины — произведения, трансформирующиеся в процессе бытования. Важно выяснить, с какой реальной эпитафической традицией они соотносятся, чтобы выйти на обозначенную выше проблему вычленения позднейших наслоений и анахронизмов в былинах, шире — на вопрос о соотношении эпоса и действительности. Я исхожу из гипотезы, что в надписях, упоминаемых в былинах, фольклорный элемент отталкивался от реальной эпитафической практики и сосуществовал с нею.

Именно поэтому важно выяснить, к какой эпитафической традиции принадлежит надпись на камнях, упоминаемые в былинах, — то, что обычно привлекает слабое внимание специалистов по фольклору.

Известную «стерильность» гипотезе придает то, что на Русском Севере, основном регионе записи былин в XIX–XX вв., в которых упоминаются надписи, памятники древнерусской эпитафики не представлены, поскольку эти территории осваивались в более позднее время, а старорусские лапидарные надписи (в первую очередь — белокаменные надгробия) не имели широкого распространения. Чаще встречались деревянные подписные кресты, первые

сведения о которых восходят к последней четверти XVI в. [31. С. 216–217]. Говоря иначе, эпическая традиция в места записи былин приходила вместе с переселенцами, вопрос заключается лишь в том, какую ситуацию отражают былинные надписи — сложившуюся в более раннюю эпоху или же трансформированную в соответствии с историко-культурными реалиями Русского Севера. Данная проблема может быть решена на основе сопоставления былинных упоминаний надписей с реальной эпитафической традицией.

При поиске исторического ядра былин необходимо учитывать ряд общих методологических принципов, в свое время сформулированных С.Н. Азбелевым [3. С. 36, 38–39, 248]. Ядром былин являются реальные события, однако природа эпоса накладывает серьезные ограничения на поиск принципиальных совпадений между эпической и исторической реальностью. Большинство былин бытовало не как жестко фиксированные тексты, а как произведения устные, творчески воссоздаваемые по памяти, отсюда их изменчивость и вариативность. При этом былины, как любое эпическое произведение, редко сохраняют точность фактических деталей, но дают

в неизменном виде обобщенную оценку сущности предмета и события.

Былинные надписи на камнях принадлежат христианской эпохе. В большинстве случаев они именуется «подписями»; реже в одной и той же былине наряду с данным термином присутствует синонимичный ему термин «надпись» [30. Т. 7. С. 3. № 103, строка 3; 30. Т. 1. № 114, строки 22, 182]. В принципе данная терминология совпадает с наименованием надписей разных типов в обыденном лексиконе Московской Руси, но не отражена в лексиконе более раннего времени (в частности, в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. данный термин отсутствует). Надгробия и строительные надписи, выполненные на плитах из известняка, в письменных источниках XVI–XVII вв. именуется «цками» или «дсками», эпитафии же — «подписями» [1. С. 253–265].

Наиболее часто упоминаемый в былинах тип надписей — это памятники монументальной эпиграфики. Среди них различаются просто «подписи» и «подписи книжные». Как правило, они сделаны на камнях и содержат «долговременную» информацию. В основе восприятия ее носителей зачастую лежат мифологические представления о камне [33. С. 122–143; см. также: 35. С. 194–201; ср.: 16. С. 55–56].

К ним, в частности, относятся надписи на указателях, стоящих на распутье дорог. По большей части они нанесены на камни, но «геологическая» природа последних не является постоянной. В разных вариантах былин это «латырь камешок» или «бел-горюч камень», «горюч камень»², что однозначно указывает на их мифологическую природу. Первая характеристика семантически связана со «святым» Алатырь-каменем (Латырем), который является едва ли не сакральным центром пространства русских былин: он локализуется на горе Фавор, на нем либо «преобразился сам Исус Христос» [15. С. 100. № 21, строка 34], либо Он «установил <...> на том-то камню веру православную, написал-то Он на том камню всё книгу Голубиную» [15. С. 119. № 23, строки 383–385].

Вместе с тем в ряде вариантов былин мифологичность камня минимизируется: он именуется просто «белым камешком» [18. Т. 2. С. 311. № 142, строка 3], «камнем белым» [18. Т. 2. С. 370. № 154, строка 4]; иногда «серый камешок подпись подписана» [17. Т. 2. С. 361. № 266, строка 9]. В первом случае речь идет об известняке, во втором — о дилом камне, необработанном валуне небольшого размера.

Упоминающиеся в былинах надписи на камнях на распутьях дорог были рассмотрены Н. В. Петровым, который

сделал вывод, что они «только формально являются надписями», так как неизвестны их автор и конкретный адресат [20. С. 96]. У эпиграфиста такой вывод может вызвать лишь недоумение: авторы подавляющего большинства надписей — ввиду высокой степени их формульности — анонимны, а конкретным их адресатом является любой грамотный человек, что видно и из былин.

Первой разновидностью «подписей» являются надписи на придорожных камнях-указателях, расположенных на «розтани» трех путей [20. С. 95]. В большинстве былин они связаны с Ильей Муромцем и либо входят в самостоятельный сюжет «Три поездки Ильи Муромца», либо включены в былинку «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

Местоположение таких камней не имеет (что характерно для эпических произведений) конкретной географической привязки. Они могут лежать «во чистомъ поли» по пути из Муром в Киев [17. Т. 2. С. 620–621, строка 10; 18. Т. 2. С. 370. № 154, строка 3], на

Наиболее часто упоминаемый в былинах тип надписей — это памятники монументальной эпиграфики. Среди них различаются просто «подписи» и «подписи книжные».

«большой дороге латинской» [17. Т. 1. Стб. 1052. № 221, строка 6; 18. Т. 2. С. 508. № 176, строка 4], на берегу «славной Елисть рѣки» [18. Т. 2. С. 3. № 103, строка 2].

Техника исполнения надписи однотипна. Если надписи на деревянных досках «золотыми нумерами надрезы надрезаны» или «глубокима-то подрезами подрезано», то на камнях «подписи есть подписаны / И подрези есть подрезаны» [30. Т. 1. С. 264. № 40, строки 150–151].

Несомненный интерес вызывает надпись в одном из вариантов былин «Илья Муромец и разбойники»:

На растанюшках лежал да сер-горюць
камень,

Да на камешки пи́си были написаны,
Да глубокими ре́зьями было нарезано,
Золотыми литерами нарисовано
[30. Т. 6. С. 211. № 30, строки 16–19].

В иных вариантах (на них обратил внимание Н. В. Петров) упоминается «доска исподрезана» с золочеными буквами [20. С. 96]. Из контекста не вполне ясно, были ли данные надписи врезными («подрезанными») или же выполнялись в технике оброчной резьбы («исподрезаны»). Впрочем, в древнерусском лексиконе глагол *подрѣзывать* был связан с граверными работами [28. Вып. 16. С. 48, s.v. *подрѣзываютися*], тогда как с оброчным связывался глагол

стѣчи [28. Вып. 12. С. 48, s.v. оброчный₂]. Таким образом, упоминание в былине «доски» (так в конце XV–XVII вв. именовались белокаменные плиты с надписями) с глубоко врезанными золочеными буквами отражает более позднюю эпиграфическую практику Московской Руси. Наиболее ранним примером такого памятника является плита с латинской надписью, установленная в 1491 г. над въездом во Фроловскую (Спасскую) башню Московского Кремля. Выполненная в технике неглубокой резьбы, она первоначально была раскрашена: фон — в розовый цвет, буквы — в темно-синий [7. С. 17]. Традиция раскраски плит с надписями сохранялась и в более позднее время. Так, строительная надпись 1665 г. над входом в Новый Гостиный двор в Москве в расходных книгах именуется «лѣтописью рѣзной, в клейме, слова все позолочены» [4. С. 194]. Ср. фрагмент из записок купца Федота Котова, посетившего в конце 1620-х гг. Дербент, где его внимание привлекли надгробия с врезными куфическими надписями. Их описание вполне соот-

ветствует стилю былин: «И от того города <...> огорожено стоячими плитами каменными, а тут лѣжат сорок мученик <...> и на них по великому камню бѣлому, а рѣзана на них подпись <...> рѣзь велика» [32. С. 35].

В разных вариантах былины содержание надписи на камне-указателе сходно:

И на камешки было подписано:
Въ первую дороженьку ѣхати — убиту
быть,
Во другую дороженьку ѣхати — женату
быть,
Третью дороженьку ѣхати — богату
быть
[17. Т. 2. С. 612. № 171, строки 13–16].

Илья Муромец последовательно проехал по всем указанным направлениям, очищая дороги от сил, вредящих путникам, и трижды возвращаясь к камню:

Старую подпись подкириваль,
А новую подписываль:
— Старая подпись была ложная
[18. Т. 2. С. 371. № 154, строки 52–54].

Однако ложность ее заключалась не в том, что она давала неверные ориентиры на местности, а в том, что «очищена тая дорожка прямоезжая» [17. Т. 2. С. 615–617. № 171, строки 104–106, 155–158, 168–170].

Иная разновидность камня-указателя упомянута в одном из вариантов былины «Алёша Попович и Тугарин Змеевич». Хотя Н. В. Петров считает данный сюжет перенесенным из былин об Илье Муромце [20. С. 95], всё же, учитывая редкость былины, следует признать ее определенную самостоятельность. Надпись на камне не играет роли в развитии сюжета, а ее содержание говорит об ином изводе, нежели в былинах про Илью Муромца. На сходство с последними указывает местоположение камня. Почти всегда он лежит «в чистом поле» на «росстани» дорог [9. С. 195. № 42, строки 3–14; С. 200. № 43, строки 12–27], только в одном случае он положен «на могилочке» [9. С. 183. № 36, строки 5–8]. Надписи, которые «подписаны» на камне-указателе, очень конкретны и указывают направление путей, ведущих в Киев, Чернигов и Муром (как вариант — во владения Тугарина или в некую Путерему), по одному из которых едут герои былин.

В русской фольклористике бытует убеждение, что прототипами камней-указателей являются верстовые столбы [8. С. 78]. Отчасти (как будет показано ниже) это так. Тем не менее в древнерусской эпиграфической традиции мы не найдем прямых аналогий камням-указателям. Хотя использование подписных валунов в Древней Руси фиксируется со второй половины XI в., надписи на них редки вплоть до последнего десятилетия XV в.

Менее явной является аналогия камней-указателей с валунами-«межниками» [29. Стб. 127, s.v.] или «гранями» [28. Вып. 4. С. 124, s.v.], которые клались на границу межи, поскольку былинный предмет, видимо, маркировал границу (точнее, межу) между «своим» и «чужим», враждебным миром. Вырезанные на межниках знаки и надписи именовались «признаками». Тенденция их использования на Руси наблюдается с XIV в.

Видимо, более близкой аналогией былинному камню-указателю в Древней Руси являлись кресты, маркирующие направления дорог и перекрестки, которым ввиду их особого значения давались имена. Наиболее известным из них является Игначкест в 100 верстах от Новгорода, у которого весной 1238 г. закончился поход монголо-татар на Новгород [14. С. 76]. Ср. крест с надписями, упомянутый в былине об Алёше Поповиче и Тугарине. Характерно, что в надписи отсутствуют мифологические элементы:

...на тех дорогах правочудён крест;
На кресте подписи подписаны,
Подписаны и подрезаны
[30. Т. 7. С. 298. № 46, строки 13–15].

На кресте вырезаны надписи с указаниями направлений к трем городам — Кремлеву, Чернигову и Киеву, каждый из которых (судя по комментариям грамотного слуги Алёши Поповича) представляет для богатырей несомненный интерес: «во Крёмлеве вина дешёвы», «во Чернигове есть девушки да хорошии, / молодюшки да пригожи», «третья дорога / ко великому ко князю ко

Видимо, более близкой аналогией былинному камню-указателю в Древней Руси являлись кресты, маркирующие направления дорог и перекрестки, которым ввиду их особого значения давались имена.

Владимиру» [30. Т. 7. С. 298–299. № 46, строки 21–39]. Выбор, естественно, падает на столицу.

Применительно к надписи на былинном камне приведенные выше аналогии из «реальной» эпиграфики являются весьма шаткими. Возможно, упоминания в былинах камней-указателей в какой-то мере отражают раннюю письменную традицию (XI–XII вв.), когда возможность обнаружить подписной валун «в чистом поле» была равновероятной встрече со Змеем Тугарином.

Получается, что о надписях на валунах-указателях можно говорить скорее в связи с эпической традицией, а не с древнерусской эпиграфической практикой.

Снижение мифологичности образа придорожного камня связано с перенесением на эпический артефакт реалий имперского времени, когда носители былинной традиции воспринимали камень-указатель как своего рода аналог верстовых столбов, ср. «столб бело-дубовый» с надписью:

Прямо ъхать, столько пятьсотъ версть,
А на околь-то ъхать, семьсотъ версть
[18. Т. 1. С. 83. № 116, строки 81–82].

Еще больше сходства с верстовыми столбами в следующем варианте былины:

Стоят да три столбика дубовые,
На столбики дощечки приколочены,
На дощечках подписи подписаны,
Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
«Первудорожку мне ехать — живому не
быть,

Втору — мне богатому быть,
Третью — мне женатому быть
[30. Т. 1. С. 344. № 61, строки 9–15].

Первые столбы, отмечавшие расстояние между Москвой и Новгородом, появились в России в царствование Петра I. Это были «столбы с подписями», ставившиеся на каждой версте. По царскому указу от 7 августа 1722 г. аналогичным образом был раз-

мечен путь от Москвы до Астрахани [22. Т. 6. С. 756. № 4071]. Государство неоднократно регламентировало размеры и внешний вид верстовых столбов и способ нанесения на них надписей. Указ Сената от 24 июня 1740 г. вводил столбление дорог деревянными указателями высотой в 3 сажени; при этом указывалось: «Токмо краскою (...) не прикрывать, дабы казеннаго убытка не произошло, а литеры

на тѣхъ столбахъ выжечь желѣзомъ, сдѣлавъ для того нарочно желѣзные циферныя слова» [22. Т. 11. С. 169. № 8147]. Указ Сената от 20 октября 1760 г. уже предписывал «вмѣсто того, что вырѣзывались на верстовыхъ столбахъ литеры для показанія разстоянія, оное писать на жести, и къ тѣмъ верстовымъ столбамъ прибить; токмо оную жечь дѣлать треугольникомъ» [22. Т. 14. С. 544. № 11127]. В 1764 г. Екатерина II утвердила введение каменных указателей верст, которые делались из гранита или мрамора по проекту А. Ринальди и отличались пестротой форм. Павел I, «примѣтивъ разнообразность и излишество въ разныхъ Губерніяхъ столбовъ, показующихъ версты», 4 июня 1798 г. повелел взять за образец верстовые столбы, установленные в Ярославской губернии [22. Т. 25. С. 274. № 18543]. Наконец, 2 октября 1803 г. был утвержден единый для всей империи образец деревянных верстовых столбов с надписями двух типов: «...на первой верстѣ от каждой станці поставлены быть должны на доскѣ (...) 1) разстояніе отъ Столицъ, 2) разстояніе отъ Губернскаго города и 3) разстояніе до станці, на которую ѣдешь. На всѣхъ же другихъ верстахъ отъ станці до другой, означать только разстояніе отъ одного мѣста до другаго» [22. Т. 27. С. 913–914. № 20963]. Новый стандарт предполагал сохранение старых верстовых столбов из камня «съ поправкою ветхостей и съ надписями, сходно по образцу» [22. Т. 36. С. 172. № 27787].

Легко заметить, что «белодубовые» столбы с указанием направления пути и расстояния между конечными пунктами начали проникать в былинную традицию не ранее первого десятилетия XIX в., когда верстовые столбы с прибитыми к ним досками с надписями стали неотъемлемой частью российского пейзажа.

В некоторых былинах неясно, на чем именно сделана надпись. Былина «Царь Саул Леванидович» говорит о часовне, стоящей на распутии дорог:

А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо
[10. С. 136, строки 119–120].

Из контекста былины неясно, была ли надпись на стене часовни или на находившемся рядом с ней ином носителе.

Таким образом, былинный камень-путеуказатель, скорее всего имеющий мифологическую или фольклорную основу, мог представлять в виде или подписного камня, или деревянного столба, или «квазинадписи» и вобрал в себя следы разных эпох. При этом связь надписей на валунах с древне- и старорусской эпиграфической традицией не имеет надежно атрибутируемых аналогий, за исключением отнесения данных предметов к письменной эпохе. Иногда камень замещался деревянным верстовым столбом как наиболее распространенным и знакомым символом дороги в эпоху Российской империи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(публикация на 1-й стр. обложки)

Ярославль. Земляной город. Церковь Николы Надеина. Галерея.

Белокаменная плита с левой стороны от южного портала.

Высота плиты 79 см, ширина 51 см. Надпись в 7 строк выполнена в технике обронной резьбы в углубленном киоте. Высота киота 68,8 см, ширина 42,2 см. Буквы и рамка киота выкрашены золотистой краской, фон между буквами — ярко-синей. Строка 1 отстоит от нижнего края верхней рамки киота на 3,8 см, строка 7 отстоит от верхнего края нижней рамки киота на 3,3 см. Высота строк: 1-я и 4-я — 6 см, 2-я, 3-я, 5-я и 7-я — 6,2 см, 6-я — 5,7 см. Расстояние между строками: между 1-й и 2-й, 3-й и 4-й — 3,3 см, между 2-й и 3-й, 4-й и 5-й — 3 см, между 5-й и 6-й, 6-й и 7-й — 2,7 см. Лигатуры: строка 1 — **дѣ** в слове **дѣ**, **дн** в слове **днѣ**, **дн** в слове **днѣ**, **дн** в слове **днѣ**, **дн** в слове **днѣ**; строка 2 — **дѣ** в слове **дѣ**, **дѣ** в слове **дѣ**; строка 3 — слово **дѣ**, **дѣ** в слове **дѣ**, **дѣ** в слове **дѣ**; строка 4 — **дѣ** и **дѣ** в слове **дѣ**; строка 5 — **дѣ** в слове **дѣ**; строка 6 — **дѣ** в слове **дѣ**, **дѣ** в слове **дѣ**; строка 7 — **дѣ** в слове **дѣ**. Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: **дѣ** (строка 2), **дѣ** (строка 4). Вензельные написания букв: буква **ѣ** между вертикальными мачтами лигатуры **дѣ** в слове **дѣ**, буква **ѣ** между вертикальными мачтами буквы **дѣ** в слове **дѣ**.

Аутопсия — 2010 г.
В соответствии с надписью публикуется впервые.

1622 г. 23 июня.
Лѣта · 3 · рѣ · го · нѣ · днѣ · та · ѣ · нѣ · нѣ · вѣ ·
кѣ · ѡ · бѣ · щѣ · на · бѣ · стѣ · снѣ · цѣ · ко · ѣ ·
во · й · ма · вѣ · лѣ · ка · го · стѣ · нѣ · та · и · ѣ · до · во · цѣ ·
ни · ко · лы · архі · е · пи · ко · па · ми · ли · ки · ки ·
5 при · дѣ · жавѣ · вѣ · лѣ · ка · го · гдѣ · ца ·
и · вѣ · лѣ · ка · го · кня · зѣ · ми · хѣ · ла · ѣ · до · ро · вѣ · чи ·
всѣ · рѣ · шѣ · ли · са · мо · дер · жѣ · ца ·

Примечания

¹ Сознательно опускаю вопрос об этимологии термина «Алатырь» и его описаниях в других жанрах русского фольклора, например в заговорах, см.: [5. С. 96].

² В Словарях древнерусского языка XI–XIV вв. и русского языка XI–XVII вв. данное словоупотребление отсутствует, см.: [27; 28. Вып. 9].

Литература

1. Авдеев А. Г. Наименование белокаменных и валунных надгробий в письменных памятниках Московской Руси // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: Журнал теоретических и прикладных исследований. 2013. № 25. С. 253–265.
2. Авдеев А. Г. Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. Вып. 10. М., 2014. С. 177–178.
3. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
4. Бакланова Н. А. Постройка Нового Гостиного двора в Москве в 1660–1665 гг. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. ст. М., 1952. С. 47–62.
5. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008.
6. Горелов А. А. «Шляпа Земли Греческой» в былинах // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. С. 279–289.
7. Грациенков А. В. Плита с латинской надписью со Спасской башни и титул государя всея Руси // Вопросы эпиграфики. Вып. 1. М., 2006. С. 16–25.
8. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.
9. Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.
10. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
11. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
12. Марков А. В. Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 58. № 3. С. 42–112; 1903. Кн. 59. № 4. С. 1–27.
13. Мирзоев В. Г. Былины и летописи: памятники русской исторической мысли. М., 1978.

14. Новгородская I летопись старшего извода (Полное собрание русских летописей. Т. 3. Вып. 1). М., 2000.

15. Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

16. Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001.

17. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. 1-е изд. СПб., 1873. Т. 2 / Под ред. А. Е. Грузинского. СПб., 1896. (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук; Т. 60).

18. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. Т. 1–2. М., 1909–1910.

19. Петров Н. «Героические» деньги русского эпоса // Фетиш и табу: антропология денег в России / Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М., 2013. С. 327–342.

20. Петров Н. В. «Илье смерть в бою не написана». Надписи в былинах // Русская речь. 2007. № 6. С. 93–98.

21. Пронн В. Я. Русский героический эпос. М., 2006.

22. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. 1720–1722; Т. 11. 1740–1743; Т. 14. 1754–1757; Т. 25. 1798–1799; Т. 27. 1802–1803; Т. 36. 1819. СПб., 1830.

23. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

24. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003.

25. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963.

26. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М., 2009.

27. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991.

28. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1902. (Репр. М., 2003).

30. Свод русского фольклора. Былины. Т. 1. Былины Печоры. СПб., 2001; Т. 6. Былины Кулоя. СПб., 2011; Т. 7. Былины Пинеги. СПб., 2012.

31. Старков В. Ф. Тексты и надписи из мест удаленных промыслов русских поморов // Вопросы эпиграфики. Вып. 2. М., 2008. С. 202–217.

32. Хождение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958.

33. Чеснов Я. В. Человек и камень в традиционной культуре // Религиозный опыт народной культуры. Народная вера и народное творчество: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Н. Ю. Данченкова, А. В. Часовникова. СПб., 2011. С. 122–143.

34. Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам. К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера / Под ред. Н. А. Янчука. М., 1900. С. 129–149.

35. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. М., 1997.

36. Юдин Ю. И. Героические былины (Поэтическое искусство). М., 1975.